

**Центр социальных исследований,
Американский университет в Центральной Азии**

**Изменяющаяся роль внешней политики США в Центральной
Азии: доктрина партнерства в расширенной Центральной Азии**

**Автор Сельби Ханова
Студент, Факультет американоведения, АУЦА**

Введение

Распад Советского Союза привел к возникновению в странах Центральной Азии внутреннего политического, экономического и социального кризиса. Границы между республиками бывшего СССР в одночасье стали международными. Существовавшая до этого система взаимоотношений между Москвой и республиками типа «центр-периферия», при которой превалировал принцип советской системной взаимозависимости, оказалась неадекватной новым условиям и не способной сохранить экономические взаимоотношения между вновь возникшими независимыми государствами. Более того, отсутствию альтернативных политических и экономических стратегий, которые смогли бы заполнить вакуум власти и усилить региональное сотрудничество в Центральной Азии, сопутствовал хрупкий экономический и политический порядок на национальном и региональном уровнях. Тем не менее, несмотря на незаполненный вакуум региональной экономической взаимозависимости, в начале 1990-х годов посредством офисов Организации экономического сотрудничества (ОЭС) и Общего центрально-азиатского рынка предпринимались попытки усилить региональное сотрудничество в Центральной Азии, но, в отсутствие региональной экономической стабильности, они провалились.

Первоначально внешняя политика США в отношении региона была нечеткой по причине внезапности распада СССР. Многим американским аналитикам внешней политики, привыкшим воспринимать СССР как единый элемент, было сложно принять политическую и экономическую независимость новых независимых постсоветских центральноазиатских государств. В то время как в мире продолжали воспринимать центральноазиатские республики как часть старого Советского Союза, само руководство этих республик пыталось понять новые геополитические реалии и определить свою роль в международном сообществе.

Сначала у Государственного департамента США не было четко сформулированной политики в отношении Центрально-Азиатского региона, что подтверждается политическими инициативами начала 90-х, отраженными в Акте о Шелковом пути I, принятом Палатой представителей США. В этом документе не прояснялись различные политические аспекты региональной политической культуры, а только указывалось на скоропалительную экономическую и политическую трансформацию постсоветских государств Центральной Азии. США также вовлекли Центральную Азию в программу «Партнерство ради мира», созданную в 1994 году по инициативе НАТО. Тем не менее, романтизм в отношении возрождения древнего Шелкового пути как политической инициативы по возможной интеграции Азии в состав Европы без необходимых прямых иностранных

инвестиций, пожалуй, ввел внешнюю политику США в заблуждение на первоначальном этапе. Инвестиции в энергетический сектор Казахстана и Туркменистана обернулись проблемами, выходящим за рамки политики, определенной в Акте о Шелковом пути I. На раннем этапе политика США в отношении Центральной Азии сводилась к предоставлению мелких грантов в различных областях, к некоторой помощи по обучению таможенной и пограничной патрульной службы и ограниченной помощи в области реализации экономических и политических преобразований.

11 сентября 2001 года, повлекшее войну против терроризма и последующее вторжение США в Афганистан, стало поворотным пунктом в изменении курса внешней политики США в отношении Центрально-Азиатского региона. США основали здесь две военные базы: Карши–Ханабад в Узбекистане и в аэропорту Манас, Бишкек, Кыргызстан. Продолжительность афганского конфликта и некоторые возникшие геополитические союзы внутри региона, такие как Шанхайская организация сотрудничества, положили начало новым политическим дебатам как в США, так и в правительствах стран Центральной Азии.

В июле 2005 года профессор С. Фредерик Старр, председатель Института Центральной Азии и Кавказа, опубликовал в *Foreign Affairs* статью «Партнерство в Центральной Азии», посвященную доктрине партнерства в расширенной Центральной Азии (ПРЦА). За этим последовала реорганизация Государственного департамента США, в результате чего, на основании слияния подразделений по Центральной и Южной Азии, было создано новое единое операционное Бюро по делам Южной и Центральной Азии. Это отражает новое видение возможного центрально- и южноазиатского сотрудничества в рамках новой доктрины ПРЦА. Усилия Доктора Старра были в дальнейшем дополнены организацией международной конференции высокого уровня в Кабуле, Афганистан (1-2 апреля 2006 года), где обсуждались перспективы и проблемы торговли и развития в рамках доктрины ПРЦА, также охватывающей и Афганистан.

Таким образом, доктрина ПРЦА сыграла важную роль в изменении внешней политики США в отношении Центральной Азии. Она была нацелена на предоставление не имеющим выхода к морю государствам Центральной Азии доступа к портам Аравийского моря в Пакистане как альтернативного маршрута транспортировки в целях расширения региональной и межконтинентальной торговли и обеспечения интеграции Центральной Азии в мировую экономику. Продвижение в рамках ПРЦА идеи региональной интеграции стран Центральной Азии говорит о значительном изменении внешней политики США в отношении данного региона, нацеленной на замещение военного присутствия установлением долгосрочных экономических связей внутри данного региона и за его пределами.

Вопросы исследования

Основная тема данного исследования – альтернативные транспортные маршруты Центральной Азии на базе традиционных исторических южных наземных и морских путей Южной Азии как свидетельство начала установления нового регионального экономического порядка в рамках доктрины ПРЦА и новой американской внешнеполитической инициативы в данном регионе. В соответствии с этим аспектом исследования предпринята попытка изучить и проанализировать следующие вопросы:

1. В чем заключается суть доктрины партнерства в расширенной Центральной Азии (ПРЦА)?

2. В чем отличие идей ПРЦА отличается от перцепционной политической базы таких основных игроков, как США, Россия и Китай?
3. В чем состоит геополитика ПРЦА и как её воспринимают страны Центральной Азии?

Данное исследование состоит из трех глав. В первой главе обсуждается исторический контекст партнерства в расширенной Центральной Азии, коротко рассматривается история региона в двадцатом веке и история развития взаимоотношений между США и Центральной Азией до появления доктрины ПРЦА. Во второй главе рассматривается концепция ПРЦА во всей ее глубине – момент основного поворота курса внешней политики США в данном регионе. В данной главе анализируется геополитика как составная часть концепции ПРЦА. В третьей главе освещается восприятие ПРЦА другими региональными державами, такими как Россия, КНР и ЕС.

Аналитическая основа

География как дисциплина, оказывающая геополитическое влияние на внешнюю политику, потеряла свою значимость после Второй мировой Войны. После значительных международных геополитических изменений в начале 90-х годов геополитика вновь стала важным параметром внешней политики многих мировых держав, включая и США, хотя и при совершенно других обстоятельствах конца XX – начала XXI века. Однако, как отмечают Демко и Вуд «масштабы и степень глобальных экономических перемен приводят старую область геополитики в атрофированное состояние»¹. На самом деле, новые экономические реалии мировой глобализации требуют более широкого взгляда на спектр взаимоотношений, существующих, в частности, в Центральной Азии. Традиционных теорий политического реализма или только рамок геополитики недостаточно, чтобы описать комплексность экономических отношений и их взаимосвязь с внешней политикой стран, так как здесь важную роль начинает играть и геоэкономика. Представленная Джоржом Демко и Уильямом Вудом концепция геополитики «возможно, является более подходящим термином для анализа территориальных, политических и экономических систем связи между странами и их регионом»² в XXI веке. Геополитика концентрируется на «взаимоотношениях между государствами и на том, как региональные и глобальные экономические процессы влияют на внешнюю политику и как политические отношения, в свою очередь, влияют на экономические связи и потоки»³.

Сущность многих экономических и политических реалий в бывшем Советском Союзе изменилась в такой степени, что предшествовавший аналитический опыт изучения переходного периода постнезависимых экономических и политических систем государств Азии, Африки и Латинской Америки оказался неадекватным для объяснения существующих уровней политической культуры и психологии в странах, не имеющих выхода к морю, а также для понимания возникающих политических взглядов на территории постсоветской Центральной Азии. Традиционные теории не могут объяснить происхождение наций, не учитывая этнические маршруты⁴ или

¹ Джорж Демко и Уильям Вуд, «Новый мировой порядок: геополитический порядок в двадцатом веке» (Boulder: Westview Press, 1999) 14.

² См. предыдущую сноску.

³ См. предыдущую сноску.

⁴ См. Энтони Смит, «Этническое происхождение народов» (Оксфорд: Blackwell Publishers, 1998).

политику в сфере окружающей среды, водных ресурсов, пространства и технологических вопросов. Более того, ни политология или политическая география, экономика или географическая экономика сами по себе не могут объяснить мировые проблемы сегодняшнего дня. Междисциплинарные исследования также не в состоянии объяснить мировые вопросы современности. Геополиномика является таким обширным термином, который охватывает междисциплинарные структуры как в конкретном, так и в общем выражении. Так как этот термин является новым, есть необходимость дать его общее функциональное определение. Сошлемся на мнение Кази:

«Геополиномика совмещает в себе влияние политической географии, экономической географии, глобализации и геополиномики на политическую арену в целях объяснения проблем, которые не были известны в период до и после холодной войны. Среди этих проблем – политика транзитных путей, энергетическая безопасность, появление новых форм национализации, особенно в некоторых частях бывшего Советского Союза, окружающая среда и водные ресурсы, глобальное влияние информационных технологий и геостационарные вопросы, касающиеся космоса и спутников. Они играют важную роль в управлении международными бизнес-операциями и оказывают более сильное и широкое влияние на внешнюю политику в сравнении с другими аналитическими основами, относящимися к политическому реализму. На этом старая геополитика завершилась. Геополиномика имеет сравнительное преимущество перед традиционными теориями в практическом применении к вопросам XXI века с точки зрения появившихся общих приоритетов. Термин говорит сам за себя, отражая междисциплинарный характер вопросов сегодняшнего дня как в конкретном, так и в общем значении»⁵.

Обзор литературы

Концепция партнерства в расширенной Центральной Азии является сравнительно новой, она ещё не подверглась тщательному изучению и глубокому анализу. Существует очень ограниченное количество исследований о ПРЦА как внешнеполитической инициативы. Однако ПРЦА явилась результатом предшествующего пятнадцатилетнего опыта взаимоотношений между США и Центральной Азией, поэтому, её необходимо воспринимать в свете развития общей стратегии внешней политики Америки в данном регионе. Последняя была достаточно хорошо изучена, и каждое новое событие во взаимоотношениях между США и Центральной Азией вызывало пристальное внимание исследователей и аналитиков внешней политики с обеих сторон. Опубликовано большое количество работ по данному предмету, исключительно этому вопросу также посвящено несколько отдельных изданий⁶. Настоящее исследование основывается как на первичных источниках (которые будут полностью изучены в ходе данного исследования), так и на вторичных источниках информации. Первичные источники включают документ «Расширенное партнерство в Центральной Азии для

⁵ Афтаб Кази, «Конец геополитики и начало геополиномики: *Соединенные Штаты и Центральная Азия*». (Вашингтон ОК: Институт Центральной Азии и Кавказа, SAIS, Университет Джона Хопкинса, 2007 г., рукопись).

⁶ Центральная Азия и Кавказ, *Times of Central Asia, IPRI Factfile, Исследование Гималаев и центральной Азии и т.д.*

Афганистана и его соседей»⁷, написанный доктором Фредериком Старром, председателем Института Центральной Азии и Кавказа, а также его статью в журнале *Foreign Affairs*⁸. Оба эти документа представляют концепцию партнерства в расширенной Центральной Азии. Аналитические основы данного исследования также базируются на первоначальных источниках. Книга Джоржа Демко и Уильяма Вуда «Новый мировой порядок: геополитические перспективы в двадцать первом веке»⁹ вводит и объясняет концепцию «геополиномики» как новой, более совершенной теории, которая может послужить для исследователей аналитическим инструментом в осуществлении ими своих будущих исследований, поскольку охватывает такие тесно переплетенные в современном мире глобализации факторы, как политика, экономика и пространственные аспекты географической зоны. Кроме того, работа доктора Афтаба Кази «Центральный Пакистан: ПРЦА и геополиномика традиционного коридора Центральной Азии в бассейне р. Инд»¹⁰ – одно из первых исследований, применяющих геополиномику для концептуального обоснования доктрины партнерства в расширенной Центральной Азии. Работа сэра Хэлфорда Макиндера «Географическая ось истории»¹¹ используется в данной работе в качестве первичного источника анализа теории «средоточия земли» в международных отношениях. В работе «Стратегическая оценка Центральной Евразии»¹², опубликованной Атлантическим советом США и Институтом Центральной Азии и Кавказа в 2001 году, представлено подробное объяснение активного участия США в регионе и обозначены американские стратегические интересы. Акт о стратегии Шелкового пути 2006 года¹³ является следующим первичным источником. В этом правовом документе нашли отражение изменения предыдущего Акта о стратегии Шелкового пути 1999 года и рекомендации по реализации внешней политики в Центральной Азии. Вторичные источники включают различные научные статьи, найденные в печатных и электронных источниках. В результате анализа перечисленной выше литературы выделились две основные области, а именно: проблема/тема и теоретические поля, представленные ниже.

Прежде всего, предметом исследования является доктрина партнерства в расширенной Центральной Азии как новая внешнеполитическая инициатива США в отношении Центральной Азии. По причине новизны данной темы в литературе объясняется исключительно ее сущность и реакция некоторых региональных держав на её введение. В частности, в работе доктора Старра представлены основные положения доктрины, а статья доктора Кази содержит концептуальное обоснование, раскрывает исторический контекст, а также возможные результаты и ограничения в процессе реализации ПРЦА в регионе. Дальнейший анализ Акта о стратегии

⁷ Фредерик Стар, «Расширенное партнерство в Центральной Азии для Афганистана и его соседей», *Silk Road Paper* (Вашингтон ОК: Институт Центральной Азии и Кавказа, 2005).

⁸ Фредерик Старр, «Стабилизация Евразии», *Foreign Affairs* 75, № 1(1996): 80-92.

⁹ Джорж Демко и Уильям Вуд, «Новый мировой порядок: геополитические перспективы в двадцать первом веке» (Boulder: Westview Press, 1999), 14.

¹⁰ Афтаб Кази, «Центральный Пакистан: ПРЦА и геополиномика традиционного коридора Центральной Азии в бассейне р. Инд». Документ, представленный на Международной конференции «Партнерство, торговля и развитие в расширенной Центральной Азии», Кабул, Афганистан, 1-2 апреля 2006г.

¹¹ Холфорд Макиндер, «Географическая ось истории». Интернет библиотека *Questia* <http://www.questia.com/PM.qst.jsessionid=G7ZCshFW47tQCbgdQZ221T7bCzpZsg80P1Dy2HY568hNKB2dpt8F!496220831?a=o&d=5008824529> (доступ 27 октября 2006г.).

¹² Чарльз Фэйрбэнкс и другие, «Стратегическая оценка Центральной Евразии» (Вашингтон ОК: Атлантический Совет США и Институт Центральной Азии и Кавказа, 2001 г.).

¹³ Конгресс Соединенных Штатов Америки (2006 г.). Акт о стратегии Шелкового пути 2006 года (S. 2749). Любезно предоставлено доктором Афтабом Кази.

Шелкового пути 2006 года выявляет влияние идей ПРЦА на изменение американской внешней политики в регионе. Однако чтобы понять сущность изменений в этой политике, необходимо взглянуть на предшествующее развитие внешней политики США в отношении Центральной Азии и на причины таких изменений. С этой целью были проанализированы различные статьи в журналах *Центральная Азия и Кавказ* (журнал Института Центральной Азии и Кавказа), *IPRI Fact file* (независимый пакистанский журнал), *Исследования Гималаев и Центральной Азии*, *Times of Central Asia*, а также выпуски журнала *Foreign Affairs* за 1990-е годы.

Исчезновение Советского Союза и как, следствие, плановой экономики социалистическо-коммунистического блока, а также подъем свободных рынков по всему миру в начале 90-х годов рассматривались как новая возможность для активной реализации американской внешней политики. В статье Роберта Хантера «Начать с нуля: внешняя политика США в 1990-х»¹⁴ дан глубокий анализ задач и вызовов внешней политики США в период после холодной войны. В частности, автор утверждает, что распад СССР и победа в войне в Персидском заливе принудили США прекратить своё активное участие на мировой арене. Тем не менее, последствия холодной войны оказались совершенно другими и более глубокими, чем последствия двух мировых войн. Контекст международных отношений того времени требовал разработки четкой стратегии ведения внешней политики. Хантер говорит о том, что необходимо было перестроить национальные ресурсы и разработать новые процедуры взаимодействия с другими международными игроками, чтобы избежать «нулевой» внешней политики, которая была распространена во времена холодной войны. Автор предлагает Соединенным Штатам заняться своей внутривнешней политикой и «соединить геоэкономику с геополитикой»¹⁵.

Другой примечательной работой по данной теме является «Геостратегия для Евразии» Збигнева Бжезинского¹⁶, который делает акцент на важности Евразийского континента не только в стратегическом плане, но также и в вопросах геополитики и даже национальных приоритетов США, в определенной степени. Автор подчеркивает экономическую и политическую значимость Евразии, особенно когда речь идет о предсказывании её возможного соперничества в гегемонии с США, так как на данном континенте находятся Россия, Китай и ЕС. Поэтому, как предполагает Бжезинский, основной целью американской внешней политики в данном регионе должно быть присутствие и поддержание геополитического плюрализма. В поддержку данной идеи автор приводит многочисленные примеры поведения различных игроков Евразии. Например, предполагается, что России потребуется некоторое время для переопределения своей роли. ЕС будет гарантировать безопасность в Евразии и служить партнером США. Несмотря на чрезмерный бюрократизм и так называемый «дефицит демократии», ЕС все равно разделяет с США многие общие взгляды.

Что касается Азии, то здесь, как считает Бжезинский, Иран все ещё представляет интерес для США. Индийская демократия является ещё одним стимулом для оптимистических предположений аналитиков внешней политики. Пока она существует, будет оставаться и надежда на реализацию демократических идеалов на Азиатском континенте. Хотя Япония выступает одним из партнеров

¹⁴ Роберт Хантер, «Начать с нуля: внешняя политика США в 1990-х». *American Foreign Policy Reader* (Бишкек: Американский университет в Центральной Азии, 2005).

¹⁵ См. предыдущую сноску.

¹⁶ Збигнев Бжезинский, «Геостратегия для Евразии». *American Foreign Policy Reader ICP-314* (Бишкек: Американский Университет в Центральной Азии, 2005).

США и является одной из крупных экономически развитых держав, её влияние в регионе не так ощутимо, как влияние Китая. В конечном итоге автор призывает к созданию так называемой организации «трансконтинентальной безопасности», подобной НАТО, которая на первоначальном этапе будет включать Америку, Японию и Китай. Позже, как предполагает автор, организация может расширить число членов за счет Индии, России и затем Европы, таким образом, «освобождая американцев от некоторых из их грузов»¹⁷. Реализация этого плана, если будут достигнуты все поставленные цели, превратит США «в первую и единственную глобальную супердержаву».¹⁸

Работа Рудни Джонса¹⁹ дополняет анализ доктрины партнерства в расширенной Центральной Азии и взаимодействия с региональными державами, раскрывается значение Южной Азии в регионе и во внешней политике США в целом. Южная Азия является важной зоной в сфере внешней политики США по причине наличия двух региональных игроков – Пакистана и Индии, особенно когда речь идет о вопросах безопасности. Джонс представляет детальный анализ переоценки внешней политики обоих государств в период после распада СССР. Смещение баланса сил на мировой арене в конце холодной войны вынудило многие страны установить свои внешнеполитические приоритеты в соответствии с новым возникающим мировым устройством. Джонс анализирует внутренние условия каждого государства, которые способствовали осуществлению переоценки мирового взгляда, стратегических воззрений и национальных интересов. Автор анализирует также военные возможности Пакистана и Индии, их взаимоотношения друг с другом в отношении спорных вопросов Синда, Пенджаба и Кашмира и размышляет о том, как этот спор вместе с военным и экономическим потенциалом обеих стран влияет на ситуацию с безопасностью в данном регионе. Джонс утверждает, что обе страны оказались перед лицом экономического кризиса сразу же после окончания холодной войны. Тем не менее, в их новой политике присутствовали «свежее мышление и рациональная экономическая политика»²⁰.

Пакистан – один из основных союзников США за пределами НАТО. Возможно, тот факт, что Пакистан не является членом НАТО, обусловлен географическим положением страны. Джонс предполагает, что любые происходящие в Афганистане и Центральной Азии изменения тесно связаны с политикой Пакистана. Он также говорит об усилиях Пакистана по выводу сил СССР из Афганистана в 1970-х годах. Тем не менее, после распада Советского Союза Пакистан начал вести некую изоляционную политику.

Джонс пишет, что экономика Индии – более слабая по сравнению с Пакистаном – может быть охарактеризована тенденцией к социализму и протекционизму, исходящей из «олигополистической практики самых старых и крупных частных бизнес-домов Индии»²¹. Вместе с тем важно отметить, что согласно Джонсу, Индия направила свою экономику на реализацию более рыночно-ориентированных практик. Однако основной вызов для данной страны кроется в её внутренней ситуации с автономиями.

¹⁷ См. предыдущую сноску, 318.

¹⁸ См. предыдущую сноску, 318.

¹⁹ Рудни Джонс, «Старые ссоры и новые реалии американской внешней политики: безопасность в Южной Азии после холодной войны». *American Foreign Policy Reader ICP-314* (Бишкек: Американский университет в Центральной Азии, 2005).

²⁰ См. выше, 110.

²¹ См. выше, 115.

Индии пришлось пройти через длительный процесс пересмотра своих национальных интересов с момента распада СССР. Как известно, Индия во время правления Индиры Ганди имела тесные взаимоотношения с Советским Союзом, что было особенно очевидно в 1979 году – в момент вторжения СССР в Афганистан. И в то время как Индия сотрудничала с Советским Союзом, Пакистан поддерживал афганское сопротивление. Сегодня Индия является частью движения неприсоединения и делает попытки построить тесные отношения с США, Европейским союзом и Китаем. Джонс заключает, что оба эти государства важны для США с точки зрения вопросов обороны, а конкуренция между Востоком и Западом играет важную роль в формировании политики Индии и Пакистана и их потенциального влияния на свой регион.

Три названные выше работы содержат общий анализ внешней политики США после распада СССР. Они также очерчивают цели внешней политики в Евразии и Центральной Азии, в частности, те, которые важны для понимания обстоятельств, повлекших за собой изменение курса внешней политики США в данном регионе. Анализ взаимоотношений стран Южной и Центральной Азии, осуществленный Джонсом, является ключевым для понимания сущности доктрины партнерства в расширенной Центральной Азии. Помимо работ Хантера, Бжезинского и Джонса существует большое число недавно опубликованных работ, посвященных приоритетам США в Центральной Азии, что получило детальное изучение в рамках настоящего исследования. Но чтобы понять выбор рамок анализа, рассмотрим теоретическую часть вопроса.

Теоретические основы изучения американской внешней политики в целом и в Центральной Азии в частности охватывают различные теории международных отношений. Заметим, что область международных отношений пережила нелегкий период пересмотра и переоценки в течение ряда лет, последовавших за распадом СССР. В течение более чем сорока лет центром международных отношений выступала биполярность, и все события рассматривались исключительно через призму такой биполярности. С окончанием конфронтации между супердержавами многие теоретики в области международных отношений и аналитики внешней политики не могли сразу определиться в отношении новой возникающей мировой структуры. Мнения сильно расходились: одни предсказывали униполярный мир с лидирующим положением США, а другие видели многополярную систему с появлением Европейского союза и Японии в качестве новых экономических гигантов. Как отмечал в 1994 году Джозеф Най, «структура власти похожа на игру в шахматы в трех измерениях»²². Вершина занята США, с их военной мощью и способностью демонстрировать свою военную силу. Среднее экономическое измерение сводится к равному положению США, ЕС, Японии и, возможно, Китая. А внизу выстраиваются «разнообразные транснациональные отношения, находящиеся вне контроля со стороны государств, включая финансовые потоки, торговлю наркотиками, терроризм и деградацию озонового слоя»²³. Множество международных игроков, включая международные и межправительственные организации, и сама атмосфера после окончания холодной войны обусловили расстановку некоторых новых акцентов в понимании и анализе событий, происходящих в сфере международных отношений. Считается, что сегодня на поприще международных отношений и геополитики доминируют неореализм и неолиберализм, используемые часто в качестве инструментов анализа внешней политики.

²² Джозеф Най, «Подглядывая в будущее». *Foreign Affairs* 73, № 4 (январь 1994): 87.

²³ См. выше.

В Словаре международных отношений издательства Penguin геополитика определена как метод, «нацеленный на понимание, объяснение и предсказывание международного политического поведения в основном в плане географических переменных, таких как месторасположение, размер, климат, топография, демография, природные ископаемые и технологическое развитие и потенциал».²⁴ Определенный сэром Хэлфордом Макиндером подход остается доминирующим в анализе внешней политики. Большинство ученых и исследователей используют эту концепцию при изучении основных направлений внешней политики США в отношении Центральной Азии. Например, Парвин Дарабади рассматривает значимость нефтяных резервуаров Каспия в мировой геополитике²⁵. Сванте Корнелл пишет о возможном выравнивании государств Центральной Азии и их стратегического потенциала²⁶. Майкл Хесс и Кристофер Феттвайс в своих исследованиях и предположениях опираются на теоретическую модель взаимодействия наземных и морских держав. Феттвайс утверждает: «Ссердце Евразийской земельной массы может сыграть важную роль в следующем веке, и политика сегодняшней одной супердержавы по отношению к данному региону будет иметь огромное влияние на характер всей международной системы»²⁷. Майкл Хесс развивает эту же идею, утверждая, что Центральная Азия «будет включена в новую Большую игру держав, борющихся за получение плацдарма и ресурсов в центре земли, во многом так же, как и во времена царской России и колониальной Британии»²⁸. Фарход Толипов проводит дополнительные исследования по применимости теории «средоточия земли» в свете ситуации с Афганистаном²⁹. Очевидно, что в анализе внешней политики в целом доминирует геополитика, однако, как указано в аналитических основах данного документа, геополитика открывает возможности для гораздо более широкого и точного анализа внешней политики США в Центральной Азии вместе с доктриной партнерства в расширенной Центральной Азии в качестве основы такой политики. Вышеуказанные авторы в основном использовали такие переменные внешней политики, как национальный интерес США, приоритеты, стимулы, мировой взгляд, геополитическая и стратегическая важность. Поэтому в данной работе будут использованы следующие переменные, относящиеся к внешней политике: региональная и стратегическая значимость, политическая культура, геополитическая значимость и, самое важное, восприятие того, что станет главной переменной для объяснения изменений во внешней политике. Согласно Словарю международных отношений издательства Penguin, восприятия в мировой политике рассматриваются в качестве «условных предположений или гипотез о лице или лицах» и выступают важным инструментом, так как «исследование процесса принятия решений и того, как ключевые «игроки»

²⁴ Грэхэм Эванс и Джеффри Ньюнам (Eds), Словарь международных отношений издательства Penguin (Лондон: Penguin Books Ltd, 1998) 197.

²⁵ Парвин Дарабади, «Каспийский регион в современной геополитике», *Центральная Азия и Кавказ* 3, № 21(2003): 66-71.

²⁶ Сванте Корнелл, «Геополитика и стратегические выравнивания на Кавказе и в Центральной Азии», *Perceptions* 4, № 2(1999): 120-124.

²⁷ Кристофер Феттвайс, «Сэр Холфорд Макиндер, геополитика и разработка политики в 21-м веке», *U.S. Army War College Quarterly* 30, № 2 (2000); <http://carlisle-www.army.mil/usawc/parameters/00summer/fettweis.htm> (доступ 21 октября 2006г.).

²⁸ Майкл Хесс, «Центральная Азия: пересмотр Макиндера?» *Columbia International Affairs Online* 3, № 1(2004): 95-105; www.ciaonet.org/olj/co/co_mar04/co_mar04h.pdf (доступ 26 октября 2006).

²⁹ Фарход Толипов, «Меняются ли центральные и окраинные земли в свете операции в Афганистане?», *Central Asia and the Caucasus* 5, № 23(2004): 99-107.

воспринимают ситуацию, формирует большую часть анализа»³⁰. Содержательный анализ восприятий США и прочих региональных и нерегиональных игроков, таких как Россия, Китай, Турция, ЕС и государства Центральной Азии, поможет исследовать процесс изменения внешней политики США в Центральной Азии.

Глава I. Исторический контекст ПБЦА

В настоящей главе рассматривается исторический контекст доктрины партнерства в расширенной Центральной Азии, дается краткое описание роли Центральной Азии в истории региона и произошедших в ней изменений в двадцатом веке, а также история развитие взаимоотношений между США и Центральной Азией до введения ПРЦА – новой фазы американской внешней политики в отношении данного региона.

Центральная Азия – регион, не имеющий выхода к морю, – расположена в центре материка Евразия и граничит с Россией, Китаем, Афганистаном, Ираном и Азербайджаном по Каспийскому морю. В этот регион входят пять стран, а именно: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Краткий экскурс в историю региона свидетельствует о том, что данная часть Евразии в основном ассоциировалась с Шелковым путем, различными мусульманскими и арабскими империями, эмиратами и ханствами.

Ахемениды (500–350 до нашей эры) правили на территории, простирающейся от Средиземного моря до областей современного Пакистана. Затем в регионе возникла Парфия, став одной из основных сил сопротивления Римской империи. На её руинах Империя Сасанидов пережила золотой век до начала вторжения арабов в конце 600-х годов. Затем регион пережил правление Сельджуков и Сефевидов, а также разрушительное завоевание Чингисхана, что, в свою очередь, способствовало восстановлению Шелкового пути – торгового пути, который помог региону приобрести статус перекрестка и моста между Европой и Азией. Марко Поло, путешествовавший по Шелковому пути, дал одно из первых описаний людей и культур Центральной Азии. На Шелковом пути процветали многие средневековые империи. В этой связи следует отметить Империю Тамерлана, повлиявшего на культурную и политическую жизнь Центральной Азии, возродившего персидскую культуру и позже установившего династию Моголов в Хиндустане, контролирующую различные орды, существовавшие после империи Чингисхана. До того, как царская Россия начала свое завоевание Центральной Азии, существовали мусульманские Ханство Хива, Бухарский эмират и Кокандское ханство.

В конце XIX века, во время завоевания Туркестана Россией, Центральная Азия стала свидетелем конфронтации между царской Россией и Британской империей. Эта конфронтация была обусловлена их империалистической политикой, известной в истории как Большая Игра. Эта борьба за доминирование в регионе, состоящем из современной Центральной Азии, завершилась образованием буферной зоны – Афганистана – разделившей регион на сферы британского и российского влияния. Значимость региона в мировой политике конца XIX – начала XX века была дополнена теорией «средоточия земли» сэра Хэлфорда Макиндера, британского географа и основателя современной геополитики. Согласно Макиндеру, центральная земля, «сформированная Центральной Азией, Кавказом и отдельными зонами современной России», была целью доминирования Мирового острова (континенты Азии, Европы и Африки) и, следовательно, всего мира³¹.

³⁰Эванс, Грэхэм и Джеффри Ньюнам (Eds), Словарь международных отношений издательства *Penguin* (Лондон: Penguin Books Ltd, 1998), 431.

³¹ Майкл Хесс, «Центральная Азия: пересмотр Макиндера?» *Columbia International Affairs Online* 3, №1(2004): 95; www.ciaonet.org/olj/co/co_mar04/co_mar04h.pdf; (доступ 26 октября 2006).

Тем не менее, революция большевиков 1917 года в России привела к возникновению больших политических, экономических и социальных изменений в Центральной Азии, сделав её частью нового сформированного Союза Советских Социалистических Республик. Помимо установления новых границ между пятью странами региона, коммунистическое правительство в Москве начало реализацию политики разграничения наций, разделяя Туркестан на различные государства. Это разделение завершилось во время правления Сталина в 1934 году. Крупномасштабная индустриализация и модернизация региона, инициированная большевиками, часто встречала сопротивление в форме движений басмачей. Однако напористость советских лидеров, поддерживаемых большинством рабоче-крестьянского населения, сделала достижение многих целей коммунистической революции возможным. Экономика новых созданных государств Центральной Азии, так же как и других советских республик в Восточной Европе, Балтийском регионе и на Кавказе, была организована на основе взаимоотношений «центр-периферия», делая Москву политическим, социальным и экономическим центром СССР.

Центральная Азия, будучи частью Советского Союза, была в основном сельскохозяйственным и энергодобывающим регионом. Только после распада СССР в 1991 году центральноазиатские республики приобрели независимость и начали инициировать новые взаимоотношения с внешним миром. Задача усложнялась тем, что падение Советского Союза было неожиданным, и руководство Центральной Азии было вынуждено спешно определять свое место в мире. Одновременно прочие региональные и нерегиональные державы воспользовались открытыми границами и положили начало своему участию в жизни региона, открывая посольства и организовывая бизнес, создавая образовательные учреждения и обменные программы, а также инвестируя экономику республик Центральной Азии.

Турция начала с открытия в странах региона образовательных учреждений и вовлечения Центральной Азии в экономические и торговые взаимоотношения. Однако «Турция была экономически слишком слаба, а центральноазиатские республики не желали её сильного влияния в регионе: они хотели установления контактов с Западом и не нуждались при этом в посредниках»³². Другие региональные державы, такие как Иран и Китай, начали расширять свои рынки до своих ближайших соседей.

В то же время окончание холодной войны имело серьёзное влияние на внешние взаимоотношения с США. Аналитики внешней политики встали перед дилеммой: как наилучшим образом использовать национальные ресурсы и сформулировать новую внешнюю политику в новых условиях и реалиях послевоенной мировой структуры. Привыкшие к трем основным парадигмам американской внешней политики времен холодной войны, а именно: сдерживание территориального расширения СССР, ограничение распространения его идеологии и содействие развитию мировой экономики под руководством США вместе с продвижением принципов демократии и свободного рынка³³, аналитики не могли оперативно сформулировать новые политические задачи. С падением СССР две первые парадигмы были упразднены, а последняя оставалась значимой, требующей, помимо руководства США, активного участия других экономически и политически сильных международных игроков, таких как Япония и Европейский союз.

³²Закир Чотоев, «О возможном участии Турции в усилении безопасности в Центральной Азии», *Central Asia and the Caucasus* 4, №28(2004), 136.

³³Роберт Хантер, «Начать с нуля: внешняя политика США 1990-х», *American Foreign Policy Reader* (Бишкек: Американский университет в Центральной Азии, 2005), 5.

Предсказывалось, что «будущий американский подход к миру будет намного более децентрализованным и дезагрегированным по сравнению с предыдущей половиной века»³⁴. Более того, считалось, что США необходимо сместить акцент с военных вопросов на другие аспекты, такие как образование, исследования и инфраструктура, чтобы дать США «преимущества для привлечения капитала в поддержку внешней политики»³⁵.

Администрации Джорджа Буша-старшего и Билла Клинтона пытались справиться с реалиями новой мировой структуры после холодной войны, применяя инструменты «нового мирового порядка» и «неодолларовой дипломатии» соответственно³⁶. Неожиданное падение бывшей конкурирующей державы вызвало необходимость быстрого изменения курса. Тем не менее, наблюдалась некоторая задержка с реализацией внешнеполитических действий в отношении стран Центральной Азии. Это можно было бы объяснить тем, что на первоначальном этапе США не видели каких-либо национальных интересов в данном регионе. С другой стороны, аналитики внешней политики в Вашингтоне «продолжали использовать старые советологические подходы, отстаивающие идею регионального баланса сил... и применяющие старый рычаг – требование соблюдения «прав человека»³⁷. Более того, регион считался в основном российской сферой влияния, и США не хотели вмешиваться в дела России в том, что считалось её «задним двором».

Выход энергетических ресурсов Каспийского моря на международную арену в середине 1990-х годов превратил Центральную Азию в регион «жизненных интересов США»³⁸. Согласно оценкам *New York Times* 1998 года, «Казахстан, Азербайджан и Туркменистан вместе обладают более 100 миллиардами баррелей нефти, что делает Каспий третьим мировым нефтяным резервуаром (после Персидского залива и Сибири) и одним из ключевых мировых центров геополитического и геоэкономического значения»³⁹.

Если две предыдущие администрации президентов США смотрели на Центральную Азию «глазами Москвы», то политологи администрации Джорджа Буша-младшего ввели «Центральную Азию в собственный фокус»⁴⁰. Помимо вовлечения Центральной Азии в программу НАТО «Партнерство ради мира» и создания центральноазиатского миротворческого батальона, возникла необходимость в стабильном и балансирующем государстве для успешной реализации и развития политики в данном регионе. Казалось, что Узбекистан обладал всем необходимым потенциалом, чтобы стать таким «якорным государством», которое посредством достижения «равновесия и последовательности изнутри» региона «создало бы здоровый баланс, служащий интересам региональной безопасности, Европы и НАТО»⁴¹. Кроме того, географическое расположение

³⁴ См. выше, 6.

³⁵ См. выше, 10.

³⁶ Афтаб Кази, «Конец геополитики и начало геополитики: Соединенные Штаты и Центральная Азия» (Вашингтон, ОК: Институт Центральной Азии и Кавказа, SAIS, Университет Джона Хопкинса, 2007, рукопись).

³⁷ Дмитрий Трофимов, «Россия и Соединенные Штаты в Центральной Азии: проблемы, перспективы и интересы», *Центральная Азия и Кавказ* 1, №19(2003), 80.

³⁸ Сванте Корнелл, «Геополитика и стратегическое равновесие на Кавказе и в Центральной Азии», *Perceptions* 4, № 2(1999): 123.

³⁹ Парвин Дарабади «Каспийский регион в современной геополитике», *Центральная Азия и Кавказ* 3, № 21(2003), 67.

⁴⁰ Фредерик Стар «Соединенные Штаты, Афганистан и Центральная Азия», *NIASnytt* 3(2002): 9.

⁴¹ Фредерик Стар «Стабилизация Евразии», *Foreign Affairs* 75, № 1(1996): 81.

Узбекистана в сердце Центральной Азии, наличие значительного узбекского меньшинства во всех граничащих государствах и наибольшее население по сравнению с другими странами региона вместе с очевидным энтузиазмом узбекской стороны сотрудничать привлекало многих экспертов внешней политики из Вашингтона.

Террористические атаки на Нью-Йорк и Вашингтон 11 сентября 2001 года привели к изменениям в американской внешней политике в мировом масштабе, и Центральная Азия не стала исключением. Геополитическая важность региона значительно изменилась по причине близости Афганистана. Война против терроризма потребовала более близких стратегических пунктов ведения войны, для чего были созданы две военные базы: в аэропорту Манас в г. Бишкеке (Кыргызстан) и в Карши-Ханабаде в Узбекистане (последняя была свернута в ноябре 2005 года). Тем не менее, военное присутствие США в Центральной Азии рассматривалось в двух различных измерениях. Во-первых, многие аналитики предположили, что Америка преследует только краткосрочные военные интересы в Центральной Азии. Другие считали, что происходит возрождение Большой игры девятнадцатого века, назвав её «Новой Большой игрой» в которой Америка стремится к контролю над регионом⁴².

Значимость Центральной Азии в геополитическом и геостратегическом значении была определена в *Стратегической оценке Центральной Евразии*, опубликованной Атлантическим советом Соединенных Штатов и Институтом Центральной Азии и Кавказа в 2001 году. Данный документ четко определил Афганистан в качестве первостепенной озабоченности в плане безопасности по всему региону. В данном документе отмечено, что три вида интересов, а именно, жизненно необходимые, стратегические и важные, руководят внешней политикой США. Указывается также, что Центральная Азия, в частности, попала под данные интересы. Хотя жизненно необходимых интересов здесь не было, стратегические интересы включали в себя четыре аспекта: мир и стабильность, сдерживание внутренних региональных разногласий, предотвращение межрегиональных конфликтов и предотвращение производства оружия массового поражения⁴³. К важным интересам США в регионе относились энергетические ресурсы, вопросы прав человека, вопросы окружающей среды, демократические реформы, религиозные свободы, борьба против коррупции и торговли наркотиками. Ожидалось, что вследствие активного присутствия США в регионе и успешной реализации политики в отношении важных интересов США, будет ускорена долгожданная трансформация государств Центральной Азии в страны стабильной демократии. Посол США Паско писал в этом отношении, что американское «усиленное участие помогает сломить привычку репрессий и стагнации» в регионе,⁴⁴ а профессор Шпельхер утверждал, что когда закончится война в Афганистане, «Центральная Азия вернется к относительной неясности с геополитической точки зрения, находясь на задворках мировой экономики»⁴⁵.

Вопрос о причинах неверных восприятий в американской внешней политике, возможно, объяснит наличие таких контрастных взглядов в отношении Центральной

⁴² Фредерик Стар, «Соединенные Штаты, Афганистан и Центральная Азия», *NIASnytt* 3(2002): 10.

⁴³ Чарльз Фэйрбэнкс и другие, «*Стратегическая оценка центральной Евразии*» (Вашингтон, ОК: Атлантический Союз Соединенных Штатов и Институт Центральной Азии и Кавказа, 2001 г.), 98.

⁴⁴ Линн Паско, «Политика США в Центральной Азии и война с терроризмом», *IRPI Fact File* 7, № 6 (2005): 34.

⁴⁵ Мартин Шпельхер, «Экономика и безопасность в Центральной Азии после 11 сентября: взгляд скептика», *Центральная Азия и Кавказ* 1, № 19 (2003): 44.

Азии в целом. Существовал комплекс идей, которые ввели американских политологов в заблуждение в отношении внешней политики. Например, Оливер Рой в своей книге «Новая Центральная Азия: создание государств» описал две легенды пантюркизма и панисламизма в Центральной Азии, которые размыли образ Центральной Азии на мировой арене. Более того, Чарльз Фэйрбэнкс в своей статье в *National Interest* выпуска 2000 года отмечал: «...мы [американцы] к сожалению, ничего не знаем об этой области и, что хуже всего, наше незнание заполняется тем, что мы выдаем за желаемое»⁴⁶. Возрождение классической теории «средоточия земли» также способствовало росту значимости Центральной Азии в свете происходящих событий. Тем не менее, Майкл Хесс оспаривает идею Макиндера о том, что ««средоточие земли дарует геополитическое преимущество той державе, которая её контролирует»⁴⁷, считая, что эта идея не может с легкостью применяться по отношению к современной Центральной Азии в условиях обострения проблем безопасности и всеобщего наращивания военно-технологических мощностей.

Центральная Азия считается нестабильным регионом в связи с ее неустойчивостью в отношении исламизации. Страны региона достаточно часто называли «провалившимися странами», хотя в реальности они далеки от провала. В самом последнем годовом анализе глобальных угроз Джон Негропonte, директор Национальной разведки, предупреждает о нестабильности в Центральной Азии:

«В худшем, но в возможном случае центральная власть в одной или более из этих стран может испариться в конкуренции за власть политических группировок, кланов или регионов, открыв двери для колоссального расширения террористических и уголовных деяний благодаря провалившемуся государству»⁴⁸.

Отсутствие у США четкой стратегии в отношении стран Центральной Азии в первые годы их независимости также способствовало размыванию приоритетов во внешней политике в отношении данного региона. Дальнейшее развитие внешней политики США в регионе поддержало мнение о том, что «Центральная Азия имеет большую вероятность стать стратегически значимой зоной, не охваченной центром или окраиной как подчиненное лицо, а представленной в них как независимое лицо».⁴⁹

Глава II. Доктрина партнерства в расширенной Центральной Азии

Если в предыдущей главе коротко описывалось развитие и вызовы внешней политики США в отношении Центральной Азии, и в частности: неправильное восприятие и отсутствие четкой стратегии в регионе, что не давало США успешно реализовывать там свою политику, то настоящая глава посвящена детальному рассмотрению ПРЦА. Доктрина партнерства в расширенной Центральной Азии, предложенная доктором Фредериком Старром, председателем Института Центральной Азии и Кавказа, ознаменовала изменение восприятия региона в кругах формирования внешней политики США. Действительно, восприятие и взгляд на мир США эволюционировали с момента падения Советского Союза. Новые реалии мирового устройства после холодной войны и особенно после событий 11 сентября

⁴⁶ Чарльз Фэйрбэнкс, «Основа дебатов: американец в Центральной Азии. Будучи там», *The National Interest* 68(2002):42.

⁴⁷ Майкл Хесс, «Центральная Азия: пересмотр Макиндера?», *Columbia International Affairs Online* 3, №1(2004): 97; www.ciaonet.org/olj/co/co_mar04/co_mar04h.pdf (доступ 26 октября 2006).

⁴⁸ «США предупреждают о нестабильности в Центральной Азии», *Times of Central Asia*, 17 января 2007, с.5.

⁴⁹ Фарход Толипов, «Меняются ли центральные и окраинные земли в свете операции в Афганистане?», *Центральная Азия и Кавказ* 5, № 23(2004): 107.

2001 года вкупе с опытом военного присутствия в регионе потребовали от США пересмотра своих приоритетов, мотивации, национального интереса и стратегических/геополитических взглядов на Центральную Азию. США нуждались в сохранении достижений операции «Непоколебимая свобода» в Афганистане, для чего была нужна новая, более адекватная и своевременная стратегия в отношении данного региона.

Концепция партнерства в расширенной Центральной Азии, разработанная доктором Старом, положила начало новой фазе внешней политики США в отношении региона. Расширенная Центральная Азия как географическое понятие включает в себя все пять бывших советских республик Центральной Азии, Афганистан плюс Южную Азию. Доктор Старр утверждал, что структурный вопрос восприятия региона, когда Центральная Азия рассматривалась как часть Евразии, а Афганистан как часть Южной Азии, не был совсем верным. Последующая реорганизация Государственного департамента и Департамента обороны и образование Бюро по делам Южной и Центральной Азии произошли под влиянием доктрины партнерства в расширенной Центральной Азии, изменившей не только восприятие региона, но и общую внешнюю политику Америки в отношении Центральной Азии.

Согласно схеме партнерства в расширенной Центральной Азии, транспортные пути и последующее совершенствование торговых взаимоотношений являются ключевыми инструментами для успешного развития региона. Новые альтернативные транспортные маршруты, нефтяные/газовые трубопроводы и упрощение тарифов для облегчения движения товаров в регионе создадут новую схему взаимосвязей стран Центральной Азии, которая была ею утрачена после распада СССР. Это также поможет Центральной Азии и Афганистану интегрироваться в мировую экономику, получив выход к Аравийскому морю. Это будет выгодно и для Российской Сибири – самой отдаленной и наименее развитой российской зоны, которая получит доступ к альтернативным маршрутам и морю. Расширение торговли также послужит более успешной реализации программы КНР «Развить Запад»⁵⁰. В результате «Центральная Азия будет иметь возможность выбора – экспортировать ли свой хлопок, нефть, газ и производственные товары через Россию или через Юг, тем самым выбирая наиболее дешевую альтернативу или группу альтернатив».⁵¹ Данная новая стратегия по отношению к Центральной Азии изменила в основном военную роль США в регионе на более экономическую. Ф. Стар подчеркивает:

«Торговое и экономическое развитие должно стать центром любой активной стратегии США в отношении Афганистана и его соседей, но другие компоненты должны иметь такую же важность. Безопасность, институциональное развитие, расширение избирательных прав и культурно-образовательные программы должны быть переведены из категории вопросов чисто национального характера в категорию региональных вопросов»⁵².

Доктрина партнерства в Центральной Азии предполагает обсуждение странами-участницами возможных способов реализации различных программ США в регионе. Автор утверждает, что ни одна другая организация или государство не имеют такой программы, которая «охватывает как сферу безопасности, так и сферу

⁵⁰ Фредерик Старр, «Расширенное партнерство Центральной Азии для Афганистана и его соседей», *Silk Road Paper* (Вашингтон, ОК: Институт Центральной Азии и Кавказа, 2005), 14.

⁵¹ См. выше, 14.

⁵² См. выше, 15.

многостороннего развития» и рассматривает Афганистан и пять бывших советских республик как «единое целое»,⁵³ расширяемое до Юго-западной Азии как транзитного коридора для наземных и морских коммуникаций и инфраструктуры в целях обеспечения связи Центральной Азии с портами Пакистана в Аравийском море, которое исторически обслуживало Центральную Азию в её региональной и межконтинентальной торговле.

Реструктурирование Государственного департамента США и Департамента обороны было в дальнейшем дополнено конференцией «Партнерство, торговля и развитие в расширенной Центральной Азии», проведенной в Кабуле (Афганистан) в апреле 2006 года. В работе конференции приняли участие министры иностранных дел и представители всех центральноазиатских государств, Афганистана, Пакистана, США, России, Китая, Японии и ЕС. Два основных докладчика – Ричард Баучер, помощник Секретаря США по вопросам Южной и Центральной Азии, и Касымджомарт Токаев, министр иностранных дел Республики Казахстан, – отметили новую инициативу США, высказав свои взгляды на концепцию партнерства в расширенной Центральной Азии.

В своей речи Баучер отметил, что после распада СССР проблемами Центрально-Азиатского региона занимались различные бюро:

«У нас были отдельные офисы под названием БСС – бывший Советский Союз, Офис по делам СНГ – Содружества Независимых Государств, затем некоторое время у нас был ННГ – Новые Независимые Государства, а затем мы опять вернулись к Европейскому бюро»⁵⁴.

Данное утверждение однозначно доказывает, что взгляд США на мир изменился, как и их восприятие Центрально-Азиатского региона. Частые визиты высших должностных лиц США – президента Дж. Буша-младшего в Афганистан, Пакистан и Индию и Государственного секретаря К. Райс в Центральную Азию и более ранние визиты бывшего Секретаря обороны Рамсфельда в Кыргызстан за последние несколько лет – указывают на возрастающую важность региона во внешней политике США. Конечно, это продиктовано не одним лишь желанием запустить программу ПРЦА. Близость Ирака и Ирана к Центрально-Азиатскому региону привносят дополнительные стимулы в то, чтобы рассматривать Центральную Азию как один из стратегически привлекательных регионов, если не как ключевой регион в целом. Баучер упоминает:

«США обладают очень серьёзными и долгосрочными интересами в регионе... Региональная интеграция, о которой мы говорим сегодня – это транспорт, это энергия, это торговля, это коммуникации, это сотрудничество, это свободная торговля. Мы хотим увеличить движение энергии, людей, товаров и информации от казахских степей до Индийского океана»⁵⁵.

Узлы новых транзитных маршрутов, энергетические магистрали и политическая воля в оказании содействия в устранении торговых барьеров должны привлечь международных инвесторов для оказания помощи Центральной Азии и

⁵³ См. выше

⁵⁴ Ричард Баучер, заметки Международной конференции «Партнерство, торговля и развитие в расширенной Центральной Азии», Кабул, Афганистан, 1-2 апреля 2006 года, имеется на http://www.silkroadstudies.org/new/inside/forum/trade_kabul_boucher.html (доступ осуществлен 2 марта 2006 г.).

⁵⁵ См. Выше.

Афганистану в том, чтобы они стали частью мирового экономического пространства. Согласно Касымджомарту Токаеву, Центральная Азия уже «может похвастаться значительными человеческими, природными и индустриальными ресурсами. Здесь проживает примерно 84 миллиона человек, и агрегированный целый ВВП региона составляет более 100 миллиардов долларов США ежегодно»⁵⁶. Конечно, такие ресурсы делают Центральную Азию привлекательным членом мирового сообщества. Однако существующие торговые барьеры и разного рода таможенные ограничения, а также отсутствие институциональной структуры препятствуют успешной реализации странами Центральной Азии импортно-экспортных операций.

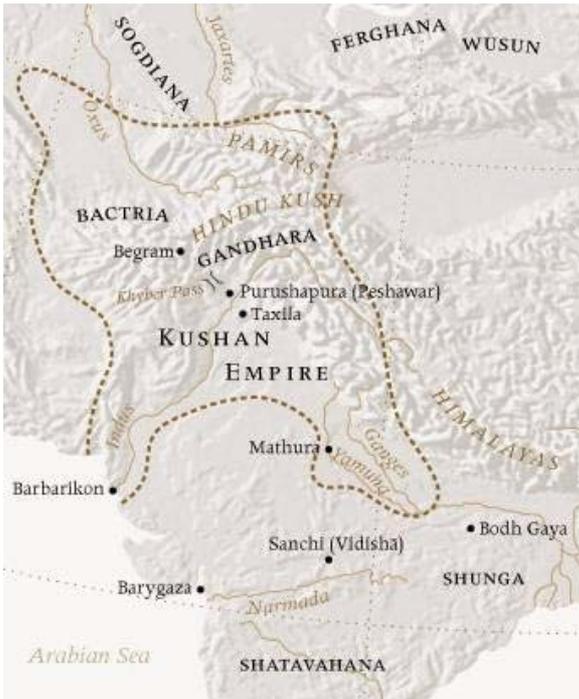
Слияние Центральной Азии с Афганистаном в расширенную Центральную Азию также ставит вопрос: почему постсоветская Центральная Азия должна соединиться с Афганистаном и Южной Азией и какие существуют исторические основания для изменения восприятия Соединенными штатами этого региона?

Афтаб Кази, стипендиат-исследователь Университета Джонса Хопкинса и Института Центральной Азии и Кавказа, отвечая на данный вопрос, приводит в пример Кушанскую империю (100–500 гг.) в качестве модели, на основе которой лучше всего можно объяснить исторический контекст схемы партнерства в расширенной Центральной Азии. Кази пишет: «Кушанская империя более или менее охватывала регионы нынешней Центральной Азии, включая Афганистан и Пакистан, которые важны как региональный торговый узел в рамках ПРЦА»⁵⁷. Автор доказывает, что схемы партнерства и сотрудничества в рамках ПРЦА отражают структуры, существовавшие во времена Кушанской империи.

Карта А: Кушанская империя в пике расцвета, около 150 н.э.

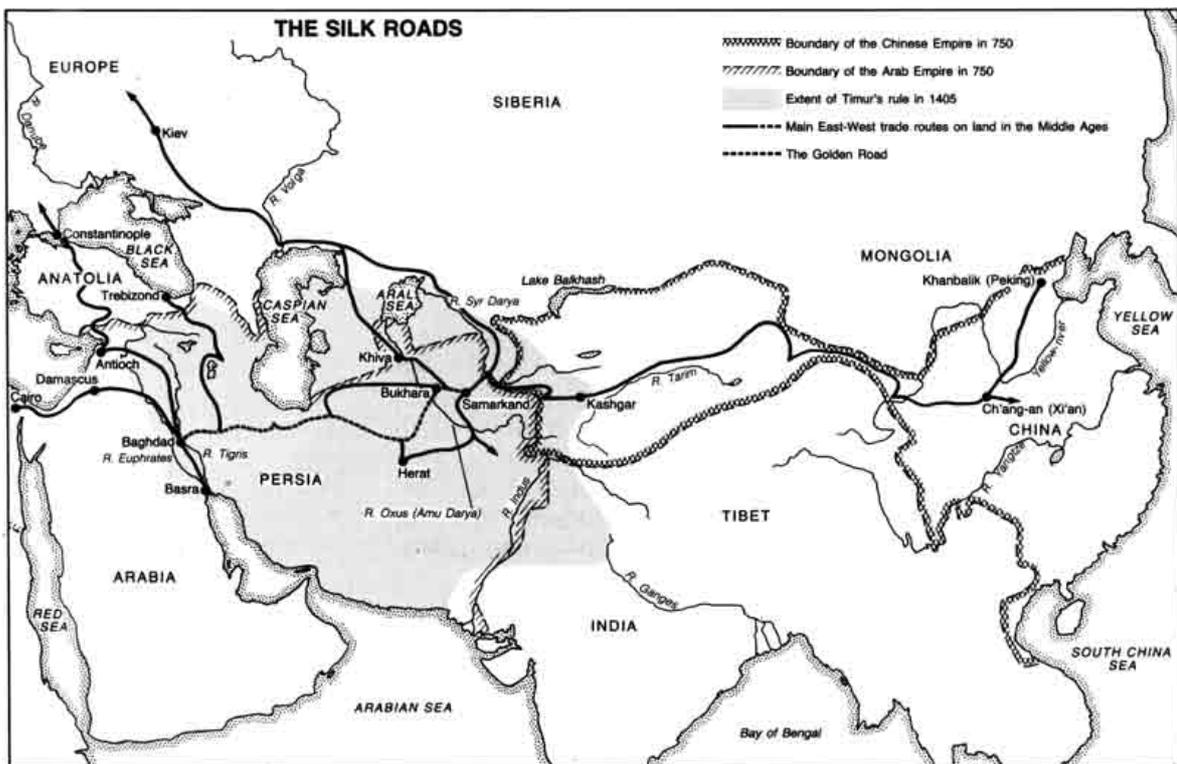
⁵⁶ Касымджомарт Токаев, заметки Международной конференции «Партнерство, торговля и развитие в расширенной Центральной Азии», Кабул, Афганистан, 1-2 апреля 2006 года, имеется на http://www.silkroadstudies.org/new/inside/forum/trade_kabul_tokayev.html (доступ 26 февраля 2006 г.).

⁵⁷ Афтаб Кази, «Центральный Пакистан: ПРЦА и геополитика традиционных коридоров Центральной Азии в бассейне р. Инд». Документ, представленный на Международной конференции «Партнерство, торговля и развитие в расширенной Центральной Азии», Кабул, Афганистан, 1-2 апреля 2006 года, с. 8.

Источник: www.columbia.edu/.../early/kushan/kushan.html (доступ 21 марта 2007 г.).

Карта Б: Шелковые пути

Источник: www.historyonmaps.com/BWSamples/SilkRoads.html (доступ 26 февраль 2006 г.).

В своей работе «Центральный Пакистан: ПРЦА и геополитика традиционных коридоров Центральной Азии в бассейне реки Инд», представленной на конференции в Кабуле, А. Кази, помимо прочего, раскрывает геополитику концепции ПРЦА:

«ПРЦА как геополитическая концепция – ещё один важный этап эволюции геополитики, предлагающий одновременное сотрудничество между центральными и окраинными землями посредством слияния геополитики и экономики с целью создания нового геополитического режима в Центральной и Южной Азии и окружающих регионах как механизма региональной экономической интеграции и межконтинентальной торговли»⁵⁸.

В своем обосновании применимости геополитики к ПРЦА автор упоминает теории «средоточия земли» и «крайних земель». Теория «центральной земли» сэра Хэлфорда Макиндера, включающая Центральную Азию, некоторые зоны Кавказа и России, являются ключевым аспектом для доминирования в мире. А согласно теории «крайних земель» Николаса Спайкмена, контролируя окраинные земли, например, страны Западной Европы, Среднего Востока и Юго-Восточной Азии⁵⁹, можно контролировать весь мир.

По мере вхождения в век глобализации, аксиомой становится то, что экономика является важным элементом анализа происходящих на мировой арене событий. Теории «центральной» и «крайних земель» позволяют объяснить некоторые тенденции в современных политических процессах. Однако в целях наилучшего объяснения реалий технологически прогрессирующего мира следует учитывать и экономический элемент, принимая во внимание территориальные характеристики рассматриваемого региона. География и, таким образом, геополитика все ещё лежат в основе международных отношений, хотя только ими нельзя объяснить комплексную природу экономической и политической взаимозависимости. Поэтому доктрина ПРЦА наилучшим образом может быть обоснована посредством геополитики, как переплетения территориальных, экономических и политических структур современного мира. Геополитика фокусируется на том, как политика влияет на экономику и как экономика, в свою очередь, воздействует на политику в данном регионе, имеющем собственные географические характеристики.

Проще говоря, при успешной реализации схемы партнерства в расширенной Центральной Азии появится новый регион с диверсифицированными транзитными путями, магистралями и трубопроводами, с доступом к морю и другими важными торговыми маршрутами. Таким образом, экономическая реальность расширенной Центральной Азии будет способствовать созданию новой схемы взаимозависимости всех государств региона при условии наличия воли и активного участия со стороны соответствующих правительств в области сотрудничества и работы над созданием политики содействия и развития торговли. Явное сближение политических, экономических и территориальных факторов в географическом регионе расширенной Центральной Азии делает её предметом исключительно геополитического анализа.

Помимо аналитических основ данной стратегии, следует еще раз обратить внимание на законодательные изменения, произошедшие после предложения доктрины ПРЦА в 2005 году. «Акт о Шелковом пути 2006 года», принятый Конгрессом США 4 мая 2006 года, показывает степень влияния идей ПРЦА на внешнюю политику США в Центральной Азии. Данным законом вносятся изменения в принятый ранее Акт о Шелковом пути 1999 года. В документе дана оценка некоторым событиям, произошедшим в мире и в Центральной Азии и приведших к

⁵⁸ См. выше, 4.

⁵⁹ Майкл Хесс, «Центральная Азия: пересмотр Макиндера?», *Columbia International Affairs Online* 3, №1(2004): 96; www.ciaonet.org/olj/co/co_mar04/co_mar04h.pdf (доступ 26 октября 2006 г.).

изменениям. В частности, после 11 сентября 2001 года возникла необходимость в сотрудничестве США с регионом в области обеспечения усиленной безопасности. Освобождение Афганистана открыло возможности для реинтеграции страны в Центральную Азию. Казахстан и Азербайджан стали ключевыми энергетическими партнерами США. «Цветные революции», произошедшие в Грузии, Украине и Кыргызстане, ещё раз подтвердили, что этим странам необходимо двигаться дальше по пути демократии и законности. Взаимоотношения с Кыргызстаном приобрели важность в свете создания военной базы Ганси в аэропорту Манас, г. Бишкек. Внутренние проблемы Туркменистана и Узбекистана потребовали более пристального взгляда на процессы трансформации данных государств. Андижанские события в мае 2005 года в Узбекистане и мировая реакция на них, а также ухудшение американо-узбекских отношений и вывод американской военной базы из Карши-Ханабада также потребовали пересмотра внешней политики США в данном регионе. Постоянная потребность в диверсифицированных транспортных маршрутах и энергетических магистралях для предоставления Центральной Азии доступа к мировым торговым путям рассматривалась как необходимость для её трансформации. В конечном итоге, радикальные действия президента Ирана Махмуда Ахмадинежада на мировой арене благоприятствовали изменению внешней политики США в отношении Центральной Азии.

Очевидно, что любое изменение внешней политики поднимает вопрос о цене таких перемен. По этому вопросу доктор Старр пишет:

«Предполагая постепенное (однозначно не быстрое) сокращение военной помощи США Афганистану на треть и сохранение настоящих уровней невоенной поддержки Кабула, можно удвоить невоенную помощь всем другим странам региона и все равно получить общее 30% сокращение расходов»⁶⁰.

Продолжительность военных операций в Афганистане и война в Ираке требуют значительного увеличения военного бюджета, а потеря человеческих ресурсов является ещё более дорогой. Экономическое присутствие США в Центрально-Азиатском регионе рассматривается как наиболее выгодное для обеспечения американских долгосрочных интересов.

Конечно, идея транзитных путей не нова: обсуждение вопроса об альтернативных маршрутах транспортировки началось с момента обретения Центральной Азией независимости. Организация экономического сотрудничества предприняла попытку построить новые дороги из Казахстана и Кыргызстана в Карачи и Исламабад. Азиатский банк развития (АБР) в 1997 году инициировал Программу Центрально-азиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС), которая впоследствии расширилась – к ней присоединились Международный валютный фонд, Исламский банк развития и Европейский банк реконструкции и развития. Программа развития Организации Объединенных Наций и Всемирный банк.

Достаточную активность в оказании помощи странам Центральной Азии в их попытках диверсифицировать транзитные пути и таким образом сократить бедность проявлял Азиатский банк развития. Сосредоточиваясь на решении проблем в области транспорта, водных ресурсов, энергетики и торговли, АБР уже завершил ряд проектов, такие как реабилитация регионально значимой дороги Алматы–Бишкек. Разработаны проекты по реабилитации дороги Душанбе–кыргызская граница, по

⁶⁰ Фредерик Стар, «Расширенное партнерство Центральной Азии для Афганистана и его соседей», *Silk Road Paper* (Вашингтон, ОК: Институт Центральной Азии и Кавказа, 2005 г.), 24.

модернизации региональной передачи энергетических ресурсов, а также по содействию региональной торговле и Программе таможенного сотрудничества⁶¹.

Тем не менее, есть определенные вызовы, которые могут помешать США реализовать доктрину Расширенного Партнерства Центральной Азии в регионе. Особое внимание заслуживает проблема, кроющаяся в исторической реальности постсоветской Центральной Азии. Данный регион семьдесят лет находился в составе СССР, и после обретения государствами региона независимости они все ещё лишены самостоятельности в принятии решений по внутренним и внешним делам. Несмотря на то, что в течение пятнадцати лет происходило экономическое и политическое развитие региона, привлекательность независимости остается сильной, что, в свою очередь, может помешать реинтеграции. Кроме того, задача усложняется из-за внешних влияний на регион, зачастую преследующих различные цели, в зависимости от того, исходит ли это влияние от США, России, Китая или Ирана, Турции и ЕС.

Глава III: Взаимодействие ПБЦА с региональными державами

В настоящей главе преследуется цель представить роль присутствующих в Центральной Азии региональных и нерегиональных держав и их возможное взаимодействие в рамках партнерства в расширенной Центральной Азии. Сама Центральная Азия на протяжении всей своей истории постоянно испытывала внешнее влияние. Последним долгим опытом было семидесятилетнее влияние советского правления. Краткое описание долгой истории региона, представленное в первой главе, указывает на тот факт, что различные империи, эмираты и ханства часто сменяли друг друга, постоянно создавая множество новых государств и впоследствии влияя на геополитическую карту региона. Проявление национализма в XVII–XVIII веках практически не оказало никакого воздействия на данный регион. Такие детища современности, как государство и нация, пришли в Центральную Азию довольно поздно, и, скорее, они были привнесены большевиками в двадцатом веке. Возможно, в этом смысле Центральную Азию можно сравнить с государствами Центральной и Восточной Европы, которые также испытали внешнее влияние различных европейских государств, а также Османской империи. Тем не менее, после падения «железного занавеса» большинство государств Центральной и Восточной Европы смогли присоединиться к Европейскому союзу. В настоящее время они делают попытки полностью интегрироваться в структуру этой супранациональной и межправительственной организации. Центральная Азия не присоединялась ни к какому союзу, за исключением различных попыток сформировать свой собственный союз и членство в Содружестве Независимых Государств.

Привлекательность идеи «средоточия земли» продолжает оставаться осязаемой, и тезис Макиндера о том, что центральная земля дает власть своему правителю, продолжает действовать даже веком позже. Однозначно, «средоточие земли» не является единственным ответом на вопрос о причинах множественности участвующих в регионе действующих лиц. Природные ископаемые, такие как энергия (нефть и газ), сырье и водные ресурсы также привлекают внимание. Помимо

⁶¹ “Central Asia: The Way Forward,” Special Advertising Supplement (Washington D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2004).

этого, культурные и исторические связи древнего и недавнего прошлого также стимулируют сотрудничество государств региона с внешними державами. В настоящей главе представлены наиболее важные действующие лица региона и их восприятие Центральной Азии в свете внешней политике. Таким образом, здесь показаны различные сценарии возможного взаимодействия ПБЦА с каждой из стран.

При обсуждении положения постсоветских стран и их взаимоотношений с внешним миром встает вопрос о неизбежности влияния со стороны Российской Федерации. Это влияние особенно заметно в Центральной Азии, которая являлась периферией России. Многие энергетические трубопроводы и транспортные маршруты, построенные во времена Советского Союза, пролегают через Россию. Это означает, что Россия все ещё имеет весомое влияние на экономику региона.

Карта Г: Месторождение нефти и газа и трубопроводы

Источник: <http://news.bbc.co.uk/1/shared/spl/hi/guides/456900/456938/html/nn5page1.stm> (доступ 21 марта 2007).

С вступлением на пост президента Владимира Путина Центральная Азия выдвинулась на передний план после того, как Россия пережила кризис 1998 года, и особенно после того, как США начали военные движения в данном регионе.

Сергей Лавров, министр иностранных дел Российской Федерации, комментируя визит Государственного секретаря К. Райс в Центральную Азию в 2005 году, сказал, что Россия имеет общие с американцами цели в Центральной Азии – регионе, где очень активна деятельность террористических и экстремистских группировок, направленные на подрыв стабильности. В то же самое время, как отмечал Лавров, Россия понимает, что помимо этих целей, США также заинтересованы в получении доступа к энергетическим ресурсам Центральной Азии.⁶² Однако двумя годами позже Лавров занял более твердую позицию, озвучив на заседании Думы мнение о том, что присутствие нерегиональных игроков на территории СНГ за последние годы чрезвычайно возросло и что кто-то пытается навязать России сомнительную конкуренцию, но Россия не собирается поддаваться на эти провокации⁶³.

Другим важным событием, которое продолжает вызывать интерес прессы, является нежелание России одобрить базы ПРО США в Восточной Европе, что, по мнению некоторых аналитиков, напоминает отношения, которые существовали между Россией и США в период холодной войны.

Во взаимоотношениях между Россией и Центральной Азией важно отметить новое трудовое законодательство, принятое Государственной думой, согласно которому иностранцам будет запрещено торговать на рынках России с апреля 2007 года. Эта мера частично обусловлена беспрецедентным ростом расистских массовых беспорядков в России с 2006 года. Кремль, похоже, разделяет данную тенденцию правого крыла. Тем не менее, это может посеять семя некоторого разногласия между Россией и некоторыми государствами Центральной Азии, а именно, Таджикистаном, Узбекистаном и Кыргызстаном, так как граждане этих стран вместе с китайцами, грузинами, армянами представляют порядка десяти миллионов нелегальных мигрантов в России. Более того, исследование Всемирного банка показывает, что «денежные переводы, управляемые этими рабочими, составляют более 10% ВВП Таджикистана»⁶⁴. Кажется, что Узбекистан и Кыргызстан, в частности, в последнее время значительно склоняются в сторону России. В регионе повышается значимость двух организаций: Шанхайской организации сотрудничества и Организации Договора коллективной безопасности, где Россия играет заметную роль.

Следует отметить, что Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) – межправительственная международная организация, созданная в Шанхае 15 июня 2001 года при участии шести стран: Китая, России, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. 17 июня 2004 года ШОС провела свой очередной ежегодный саммит в Ташкенте, Узбекистан, в котором приняли участие президент Китая Ху Джинтао, президент России Владимир Путин, президент Кыргызстана Аскар Акаев, президент Таджикистана Эмомали Рахмонов, президент Казахстана Нурсултан Назарбаев и президент Узбекистана Ислам Каримов. Большинство СМИ перед саммитом уделяли внимание тому, что президент России Путин и президент Китая Ху надеялись, что эта встреча будет содействовать развитию экономических отношений между странами ШОС. Встреча оказалась успешной. По окончании саммита лидеры подписали Ташкентскую декларацию, где обобщались достижения работы ШОС с момента её основания, оценивалась деятельность органов этой

⁶² Сергей Брилле, «Азиатское турне Кондолизы Райс», *Вести* 7, октябрь 16, 2005 г., <http://www.vesti7.ru/news?id=7143> (доступ 26 января 2007 г.).

⁶³ «Государственная Дума обсудила будущее Содружества Независимых Государств», *Itv*, 21 марта, 2007г., <http://www.1tv.ru/> (доступ 24 марта, 2007 г.).

⁶⁴ «Новые трудовые законы России уже вызывают волны в Центральной Азии и дальше», *Times of Central Asia*, 31 января 2007г., Том 9, № 8, с. 7.

организации, определялись новые цели. В дополнение были подписаны соглашения о сотрудничестве в борьбе против торговли наркотиками и защите секретной информации в рамках агентства ШОС по борьбе с терроризмом с головным офисом в Ташкенте.

Китай, будучи одним из могущественных членов ШОС, представляет собой значимую региональную державу, чье влияние на Центральную Азию стало достаточно заметным с 1991 года. Взаимоотношения между Китаем и Центральной Азией в общем не идут вразрез с позицией России в регионе, так как Пекин и Москва знают, что Китаю, чтобы успешно развивать отношения с Центральной Азией, нужна Россия. Китай, так же как и другие региональные и нерегиональные державы, воспринимает Центральную Азию как источник сырья и энергии и как альтернативный рынок для удовлетворения потребностей постоянно растущего китайского производства. Пекин проявляет особую активность в сотрудничестве с Казахстаном и Кыргызстаном, и его многосторонний подход к России и Центральной Азии помогает Китаю в обсуждении и организации новых проектов. Одним из наиболее амбициозных проектов является коридор Юг-Запад – транспортный коридор, который соединит Китай с Европой через Кыргызстан, Узбекистан и некоторые части Среднего Востока. Помимо этого, были подписаны соглашения по строительству трубопроводов Туркменистан–Китай и Казахстан–Китай, а также автомобильных магистралей через Кыргызстан и транспамирского транспортного коридора для обеспечения связи между Узбекистаном и Китаем. Синьдзян-Уйгурская автономия активно участвует в торговле с Центральной Азией. Согласно оценкам, объем торговли между Китаем и членами Центрально-азиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС) увеличился с «1 миллиарда долларов в 1997 году до 9,8 миллиарда долларов в 2005 году»⁶⁵. Строительство трубопроводов и транзитных маршрутов через Центральную Азию китайскими компаниями служит на пользу Центральной Азии в плане диверсификации их транспортных связей. Однако членство России и Китая в ШОС часто рассматривается как противовес присутствию США.

Фактически многие аналитики внешней политики как в Центральной Азии, так и за её пределами, говорят о возрождении Большой игры. Термины, подобные термину «Новая Большая игра», часто используются для описания геополитической ситуации в Центральной Азии, где участвуют различные региональные и нерегиональные действующие лица. ШОС призывала США в 2006 году сократить свое военное присутствие в Центральной Азии. Это, а также существовавшее расхождение мнений в отношении членства Ирана в ШОС указывают на некоторое разногласие. Часто отмечалось, что «2006 год прояснил, что США, скорее всего, не станут единственной доминирующей державой в Центральной Азии. Проще говоря, Россия и Китай совместно воздвигли стену в виде ШОС, ограничивая влияние США в данном регионе, и эту стену в обозримом будущем Вашингтону сломить не удастся»⁶⁶. Энергетические ресурсы Центральной Азии привлекают других нерегиональных игроков, таких как Япония, ЕС, Турция. Премьер-министр Японии Юничиро Коитцуми в августе 2006 года посетил Казахстан и Узбекистан, чтобы обсудить энергетические сделки и, таким образом, уменьшить зависимость Японии от энергетических ресурсов Среднего Востока. Данный визит можно также

⁶⁵ Анастасия Левченко, «Китай устанавливает связи со странами Центральной Азии», *Times of Central Asia*, 17 января 2007 года, Том 9, № 4, с. 5.

⁶⁶ М.К. Бадракумар, «Великая игра на лезвии ножа. Ставки в Центральной Азии возрастают», *Global Research*. 26 декабря, 2006г., <http://www.globalresearch.ca/PrintArticle.php?articleId=4264> (доступ 30 января, 2007 г.).

интерпретировать как стремление выступить в качестве противовеса растущему влиянию России и Китая в данном регионе. В дополнение Япония пытается внедрять свои образовательные программы для учащихся вузов Центральной Азии.

Турция также имеет некоторую значимость для региона. Она одна из первых стала активно развивать взаимоотношения с Центральной Азией. Как и прочие державные игроки в регионе, Турция также пытается завладеть энергетическими ресурсами бассейна Каспийского моря. Проект «Баку–Чейхан–Тбилиси» уже получил реальное воплощение. Строительство, при поддержке АБР, транскаспийского трубопровода, идущего из Туркменистана, не удовлетворяет интересам Турции. По этим причинам она может стать союзником Ирана, чтобы достичь успехов в борьбе за свою долю богатств Каспия. Турция все ещё привержена своим пантюркистским идеям, хотя руководство некоторых центральноазиатских стран больше не желает поддерживать Турцию в данном вопросе. Например, взаимоотношения Турции с Узбекистаном охладели с начала 1990-х годов. Существует большая вероятность того, что Турция будет оставаться в регионе до тех пор, пока есть поддержка со стороны США. У Турции, без поддержки внешних держав, слишком мало шансов на то, что она будет оказывать ощутимое влияние на регион.

Взаимоотношения государств Центральной Азии с Европейским союзом также становятся всё более значимыми. Председательство Германии в Совете министров выдвинуло Центральную Азию на передний план, и в настоящее время европейские внешние политологи работают над стратегией ЕС в отношении Центральной Азии. Согласно мнению доктора Клауса Грюлиха, послу Германии в Кыргызстане, существует три взаимосвязанных компонента: безопасность/стабильность, верховенство закона и развитие, которые будут включены в новую стратегию ЕС⁶⁷. Европейский союз не имеет никаких геополитических интересов в Центральной Азии и поэтому не является агрессивным игроком в отличие от США. Посол Грюлих отмечает, что ЕС, скорее всего, сконцентрируется на реализации образовательных проектов. Одним из примеров таких программ является недавно предложенный проект организации Водной академии в Бишкеке, Кыргызстане, которая станет центром обучения специалистов по вопросам управления водными ресурсами, что остается одним из проблемных вопросов для многих центральноазиатских государств. Энергетическая безопасность также является одним из основных аспектов участия ЕС в регионе, так как ЕС заинтересован в реализации проекта по сооружению Транскаспийского газового трубопровода (ТКТ), который будет транспортировать туркменский и казахский газ на международные рынки через Азербайджан и Иран.

Европейский союз часто характеризуют как «сообщество ценностей», одной из которых выступает региональное сотрудничество. Согласно Адриану Ван Дер Мееру, главе Европейской комиссии в Кыргызстане, Европейский союз может предложить Центральной Азии свой собственный опыт интеграции, и особенно опыт стран Центральной и Восточной Европы, который является успешным в либерализации плановой экономики и трансформации политических структур⁶⁸. Ерик Миллер, Поверенный в Делах Посольства Франции в Бишкеке, говорит, что интеграция в Центральной Азии может начаться с технических вопросов, с создания «водного сообщества» или «энергетического сообщества», подобно тому, как

⁶⁷ Клаус Грюлих, «Стратегия Европейского союза для Центральной Азии», лекция для Американского университета в Центральной Азии, 7 марта 2007 года.

⁶⁸ Адриан Ван Дер Меер. «Чему поучиться у Европейского союза?», лекция для Американского университета в Центральной Азии, 22 марта 2007 года.

Европейский Союз поступил в 1947 году, создав Европейское сообщество угля и стали. Однако в целях успешной интеграции Центральной Азии необходимо реализовывать политические реформы, чтобы способствовать развитию демократии, верховенства закона и уважению прав человека⁶⁹.

Пакистан и Индия взаимодействуют с государствами Центральной Азии в области торговли, фармацевтики и легкой промышленности. Пакистан особенно заинтересован в членстве в ШОС и в более эффективной торговле с Центральной Азией.

Сами центральноазиатские государства иначе реагируют на доктрину партнерства в расширенной Центральной Азии. Хотя Казахстан остается приверженцем этой идеи, другие государства противятся данной новой политической идее Вашингтона. Министр иностранных дел Казахстана Токаев отмечал:

«Казахстан очень привержен региональному сотрудничеству... будучи региональным лидером, Казахстан может и хочет внести значимый вклад в восстановление Афганистана и создание Расширенной Центральной Азии, что мы рассматриваем как цивилизованное и экономическое образование, нацеленное на обеспечение безопасности и развития региона»⁷⁰.

Действительно, Казахстан уже стал ведущей экономической державой региона. Прошлые визиты президента Казахстана в США и ответные визиты свидетельствуют о значимости Казахстана как державы, способной встать у руля изменения курса развития Центральной Азии в целом. «Это изменение сводится к переходу от военного сценария с демографическим и гуманитарным лицом к развитию экономической инфраструктуры с адекватной долгосрочной финансовой помощью».⁷¹

Многие критики доктрины ПРЦА, в основном это российские политологи, особо отмечают «мессианское рвение» США к реализации предполагаемого проекта⁷². Партнерство в расширенной Центральной Азии часто называют планом нео-Маршалла США, нацеленным на сдерживание влияния России и Китая. Более того, многие в Центральной Азии не скрывают свой страх, опасаясь, что открытые границы и улучшенная инфраструктура будут стимулировать большие потоки наркотрафика из Афганистана. Бадракумар пишет:

«Не удивительно, что в Центральной Азии никто не хочет принимать новую политику Вашингтона. Государства Центральной Азии знают о силе Талибана в Афганистане и считают установление мира далекой перспективой. Даже Нью-Дели, кажется, пребывает в замешательстве. Исламабад сохраняет спокойствие. Единственной столицей, разделяющей

⁶⁹ Эрик Миллер, «Является ли ЕС моделью для Центральной Азии?», лекция для Американского университета в Центральной Азии, 22 марта 2007 года.

⁷⁰ Касымджомарт Токаев, заметки на конференции «Партнерство, торговля и развитие в расширенной Центральной Азии», Кабул, Афганистан, 1-2 апреля 2006 года, имеется на http://www.silkroadstudies.org/new/inside/forum/trade_kabul_tokayev.html (доступ 26 февраля 2006).

⁷¹ Джорджио Фиаккони, «Повлияет ли Казахстан на изменения в регионе?» *Times of Central Asia*, 4 января 2007, Том 9, № 1, с.8.

⁷² См. Омаров М.Н. (ed.), *Новая Большая игра в расширенной Центральной Азии*, (Бишкек: Салам, 2005).

энтузиазм парадигмы Вашингтона – расширенная Центральная Азия до союзников Южной Азии, – выступает Кабул»⁷³.

Тот же самый автор отмечает две причины снижения эффективности внешней политики США в отношении Центральной Азии. Это, во-первых, потеря американского влияния в Узбекистане после Андижанских событий в мае 2005 года. Узбекистан продолжает оставаться важным государством Центральной Азии с геополитической точки зрения, и именно он в последнее время больше склоняется к России и Китаю. Во-вторых, как отмечает Бадракумар, это вопрос Ирана. Автор ссылается на статью Збигнева Бжезинского, написанную в 1990-х годах, где отмечается: «...чтобы региональная дипломатия США хотя бы приблизилась к оптимальной на Кавказе, Каспийском регионе и в Центральной Азии, ей необходимо подружиться с Тегераном»⁷⁴. Однако сегодняшние реалии с ядерным вопросом Ирана и реакция США и других региональных действующих сил делают перспективу «налаживания дружбы» с Ираном весьма отдаленной.

Заключение

Семнадцать лет взаимоотношений между США и Центральной Азией многому научили обе стороны. Появление за годы независимости центральноазиатских стран нового поколения политической элиты и сложившаяся структура международных отношений после окончания холодной войны привели к тому, что каждое государство Центральной Азии выработало свою собственную, особую политическую культуру со смешанными характеристиками и отношением к своим правительствам и внешним отношениям.

Устремление в Центральную Азию большого числа региональных и нерегиональных сил вновь вернуло к жизни понятие Большой игры. Данная концепция кажется наиболее привлекательной в литературе, посвященной анализу места Центральной Азии в мировых отношениях. Однако, чтобы понять весь комплекс сегодняшних реалий, важно не забывать о длительном историческом пути Центральной Азии. Доктрина партнерства в расширенной Центральной Азии в этом отношении ссылается на прошлый опыт Центральной Азии и существование Шелкового пути как перекрестка культурного обмена. Используемая в работе теория «средоточия земли» ещё раз подтверждает важность Центрально-Азиатского региона в мировой политике, а геополитика призывает к реализации ПРЦА и, следовательно, к новой взаимной зависимости, без которой регион не сможет легко интегрироваться в мировое экономическое пространство. Глобализация, сопровождающаяся все более острой конкуренцией, делает необходимым формирование региональных групп в целях выживания и развития государств на мировой арене.

Доктрина США о партнерстве в расширенной Центральной Азии, которая ознаменовала изменение внешней политики Соединенных Штатов, как политическая основа направлена на восстановление исторических взаимоотношений между Центральной и Южной Азией посредством создания альтернативных транспортных маршрутов. Проложенные во время существовавших на территории Центральной Азии Кушанской и позднее Газнавидской империй обеспечивали её выход во внешний мир, а также доступ к морю и портам. Одним из этих портов является

⁷³ М.К. Бадракумар, «Великая Игра на лезвии ножа. Ставки в Центральной Азии возрастают», *Global Research*. 26 декабря, 2006г., <http://www.globalresearch.ca/PrintArticle.php?articleId=4264> (доступ 30 января 2007г.).

⁷⁴ См. Выше.

Барбарикон, руины которого всё ещё существуют в Пакистане, известные под названием Бамбхор. Доктор Кази пишет:

«Коммуникации через Барбарикон на Аравийском море и земли современного Пакистана были одним из маршрутов существовавшего в то время Шелкового пути. Межконтинентальная торговля Кушанской и Китайской империй золотом, серебром и специями с Римской империей осуществлялась посредством данного маршрута до времени правления Сасанидов над Персией. Корабли плыли из Аравийского моря в Красное море и входили в Средиземное через р. Нил – канал Красного моря в Египте, откуда товары экспортировались в Грецию и Рим»⁷⁵

На самом деле, торговые маршруты тех эпох были очень выгодными для Центральной Азии, укрепляя её статус перекрестка для обмена культурами, людьми и идеями.

Применимость доктрины ПРЦА, вероятно, будет зависеть от ситуации в Афганистане, а в данном регионе есть вероятность возникновения волны новых угроз со стороны Талибана. Роберт Гейтс, секретарь США по вопросам обороны, во время своей встречи с Япом де Хооп Шеффером, Генеральным секретарем НАТО, утверждал, что «существуют свидетельства того, что талибы намерены увеличить уровень насилия в 2007 году».⁷⁶

Повторится ли история в Центральной Азии, – это остается большим вопросом, ответ на который может определить судьбу внешней политики США в Центральной Азии и успех доктрины партнерства в расширенной Центральной Азии. Политическая жизнь Центральной Азии меняется, создаются различные союзы с участием региональных и нерегиональных игроков. Только время покажет, как будет реализована доктрина ПРЦА, а пока можно просто обсуждать возможные альтернативы ее применения, а также её взаимодействие с участвующими в регионе державными игроками.

Библиография

- Бадракумар М.К., «Великая игра на лезвии ножа. Ставки в Центральной Азии возрастают», *Global Research*. 26 декабря, 2006.
<http://www.globalresearch.ca/PrintArticle.php?articleId=4264> (доступ 30 января 2007 г.).
- Боронин Олег, «О приоритетах Российской политики в постсоветской Центральной Азии», *Центральная Азия и Кавказ* 3, № 21(2004) 82-91.
- Бриллев Сергей, «Азиатский тур Кондолизы Райс», *Вести* 7, 16 октября 2005 г.
<http://www.vesti7.ru/news?id=7143> (доступ 26 января 2007 г.).
- Бжезинский Збигнев, «Геостратегия для Евразии», *American Foreign Policy Reader ICP-314*. Бишкек: Американский университет в Центральной Азии, 2005 г.
- «Центральная Азия: путь вперед», специальное рекламное издание (Вашингтон, Округ Колумбия: вклад Корнеги в международный мир, 2004 г.).

⁷⁵ Афтаб Кази, «Центральный Пакистан: ПРЦА и геополитика традиционного коридора бассейна р. Инд в Центральной Азии». Документ, представленный на Международной конференции «Партнерство, торговля и развитие в расширенной Центральной Азии», Кабул, Афганистан, 1-2 апреля 2006 г.

⁷⁶ «США предупреждают о нестабильности в Центральной Азии», *Times of Central Asia*, 17 января 2007, Том 9, № 4, с. 5.

- Чейз Роберт, Хил Эмили и Кеннеди Пол, «Центральные государства и стратегия США», *Foreign Affairs* 75, № 1:33-51.
- Чотоев Закир, «О возможном участии Турции в укреплении безопасности в Центральной Азии». *Центральная Азия и Кавказ* 4, № 28(2004): 135-139.
- Корнелл Сванте, «Геополитика и стратегические выравнивания на Кавказе и в Центральной Азии», *Perceptions* 4, № 2(1999): 120-124.
- Котам Ричард, «Мотивация внешней политики». (Питсбург: издательство Университета Питсбурга, 1977г.).
- Дарабади Парвин, «Каспийский регион в современной геополитике», *Центральная Азия и Кавказ* 3, № 21(2003): 66-71.
- Демко Джордж и Вуд Уильям, «Новый мировой порядок: геополитические перспективы двадцать первого века», (Boulder: Westview Press, 1999г.).
- Дьюк Надя и Каратныкы Адриан, «Подъем новых наций» (Нью-Йорк: John Wiley & Sons, Inc., 1993 г.).
- Эванс Грэхэм и Джефффри Ньюнам (Eds). *Словарь международных отношений издательства Penguin* (Лондон: Penguin Books Ltd, 1998г.).
- Фэйрбэнкс Чарльз, «Основы дебатов: американец в Центральной Азии. Быть там», *The National Interest* 68 (2002): 39-54
- Фэйрбэнкс Чарльз и другие, «Стратегическая оценка Центральной Евразии», (Вашингтон, ОК: Атлантический Союз Соединенных Штатов и Институт Центральной Азии и Кавказа, 2001 г.).
- Феттвайс Кристофер, «Сэр Холфорд Макиндер, геополитика и разработка политики в 21-м веке», *U.S. Army War College Quarterly* 30, №2 (2000). <http://carlisle-www.army.mil/usawc/parameters/00summer/fettweis.htm> (доступ 21 октября 2006 г.).
- Фиаккони Джорджио, «Повлияет ли Казахстан на региональные изменения?» *Times of Central Asia*. 4 января 2007г., Том 9, № 1, с.8.
- Грюлих Клаус, «Стратегия Европейского союза для Центральной Азии». Лекция для Американского университета в Центральной Азии, 7 марта 2007 г.
- Гуан Пан, «Шанхайская организация сотрудничества в контексте международной антитеррористической кампании», *Центральная Азия и Кавказ* 3, №21 (2003): 48-54.
- Хесс Майкл, «Центральная Азия: пересмотр Макиндера?» *Columbia International Affairs Online* 3, №1 (2004): 95-105. www.ciaonet.org/olj/co/co_mar04/co_mar04h.pdf. (доступ 27 октября 2006 г.).
- Хантер Роберт, «Начать с нуля: внешняя политика США 1990-х», *American Foreign Policy Reader*. (Бишкек: Американский университет в Центральной Азии, 2005г.).
- Джонс Рудни, «Старые ссоры и новые реалии американской внешней политики: безопасность в Южной Азии после холодной войны», *American Foreign Policy Reader ICP-314*. (Бишкек: Американский университет в Центральной Азии, 2005 г.).
- Кази Афтаб, «Конец геополитики и начало геополитики: Соединенные Штаты и Центральная Азия». (Вашингтон, ОК: Институт Центральной Азии и Кавказа, SAIS, Университет Джона Хопкинса, 2007г., рукопись).
- Кази Афтаб, «Центральный Пакистан: ПРЦА и геополитика традиционного коридора Центральной Азии в бассейне р. Инд». Документ, представленный на Международной конференции «Партнерство, торговля и развитие в расширенной Центральной Азии», Кабул, Афганистан, 1-2 апреля 2006 г.

- Киндалов Владимир и Олег Лиманов, «Россия и Китай в Центральной Азии: геополитические изменения», *Центральная Азия и Кавказ* 3, №21(2003): 71-76.
- Койчуманов Талайбек, «Экономические интересы центрально-азиатских стран: проблемы идентификации», *Центральная Азия и Кавказ* 3, № 21(2003): 140-145.
- Левченко Анастасия, «Растущие связи Китая со странами Центральной Азии», *Times of Central Asia*. 17 января 2007 г., Том 9, № 4, с. 5.
- Мандельбаум Майкл, «Внешняя политика как социальная работа», *Foreign Affairs* 75, №1: 12-32.
- Макиндер Холфорд, «Географический центр истории», Интернет библиотека *Questia* <http://www.questia.com/PM.qst?jsessionid=G7ZCshFW47tQCbgdQZ221T7bCzpZsg80P1Dy2HY568hNKB2dpt8F!496220831?a=o&d=5008824529>. (доступ 27 октября 2006 г.).
- Мукимджанова Раилья, «Государства Центральной Азии и Китай: сотрудничество сегодня и перспективы на завтра», *Центральная Азия и Кавказ* 4, № 289(2004): 61-70.
- Най Джозеф, «Подглядывая в будущее», *Foreign Affairs* 73, № 4: 82-94.
- Паско Линн, «Политика США в Центральной Азии и война с терроризмом», *IRPI Fact File* 7, № 6(2005): 30-35.
- Рой Оливер, «Новая Центральная Азия: создание наций» (Лондон: I.B. Tauris Publishers, 2002 г.).
- «Новое трудовое законодательство России уже создает волны в Центральной Азии и за её пределами», *Times of Central Asia*, 31 января 2007, Том 9, № 8, с. 7.
- Шервуд Рандал Элизабет, «Построение связей по вопросам безопасности в Центральной Азии на основе сотрудничества», *IRPI Fact File* 7, № 6(2005): 35-38.
- Шарапова Севара, «Треугольник США - Западная Европа – Россия и Центральная Азия», *Центральная Азия и Кавказ* 1, №19(2003): 65-72.
- Смит Энтони, «Этническое происхождение народов» (Оксфорд: Blackwell Publishers, 1998 г.).
- Шпельхер Мартин, «Экономика и безопасность в Центральной Азии после 11 сентября», *Центральная Азия и Кавказ* 1, №19 (2003): 1-3.
- Старр Фредерик, «Расширенное партнерство в Центральной Азии для Афганистана и его соседей», *Silk Road Paper* (Вашингтон, ОК: Институт Центральной Азии и Кавказа, 2005 г.).
- Старр Фредерик «Стабилизация Евразии», *Foreign Affairs* 75, №1 (1996): 80-92.
- Старр Фредерик, «Соединенные Штаты, Афганистан и Центральная Азия», *NIASnytt* 3(2002): 9-11.
- «Государственная дума обсуждала будущее Содружества Независимых Государств», *Itv*. 21 марта 2007г. <http://www.itv.ru/> (доступ 24 марта 2007 г.).
- Толипов Фарход, «Меняются ли «центральные» и «окраинные» земли в свете операции в Афганистане?», *Центральная Азия и Кавказ* 5, № 23(2004): 99-107.
- Трофимов Дмитрий, «Россия и Соединенные Штаты в Центральной Азии: проблемы, перспективы и интересы», *Центральная Азия и Кавказ* 1, №19 (2003): 72-82.
- «США предупреждают о нестабильности в Центральной Азии», *Times of Central Asia*. 17 января 2007г., Том 9, № 4.
- Ван Дер Меер Адриан, «Чему поучиться у ЕС?», Лекция для Американского университета в Центральной Азии, 22 марта 2007 г.